

РОДИНА

2/89

ОНИ
ВЕРНУЛИСЬ!
НО ДОЛГИМ
И ТРУДНЫМ

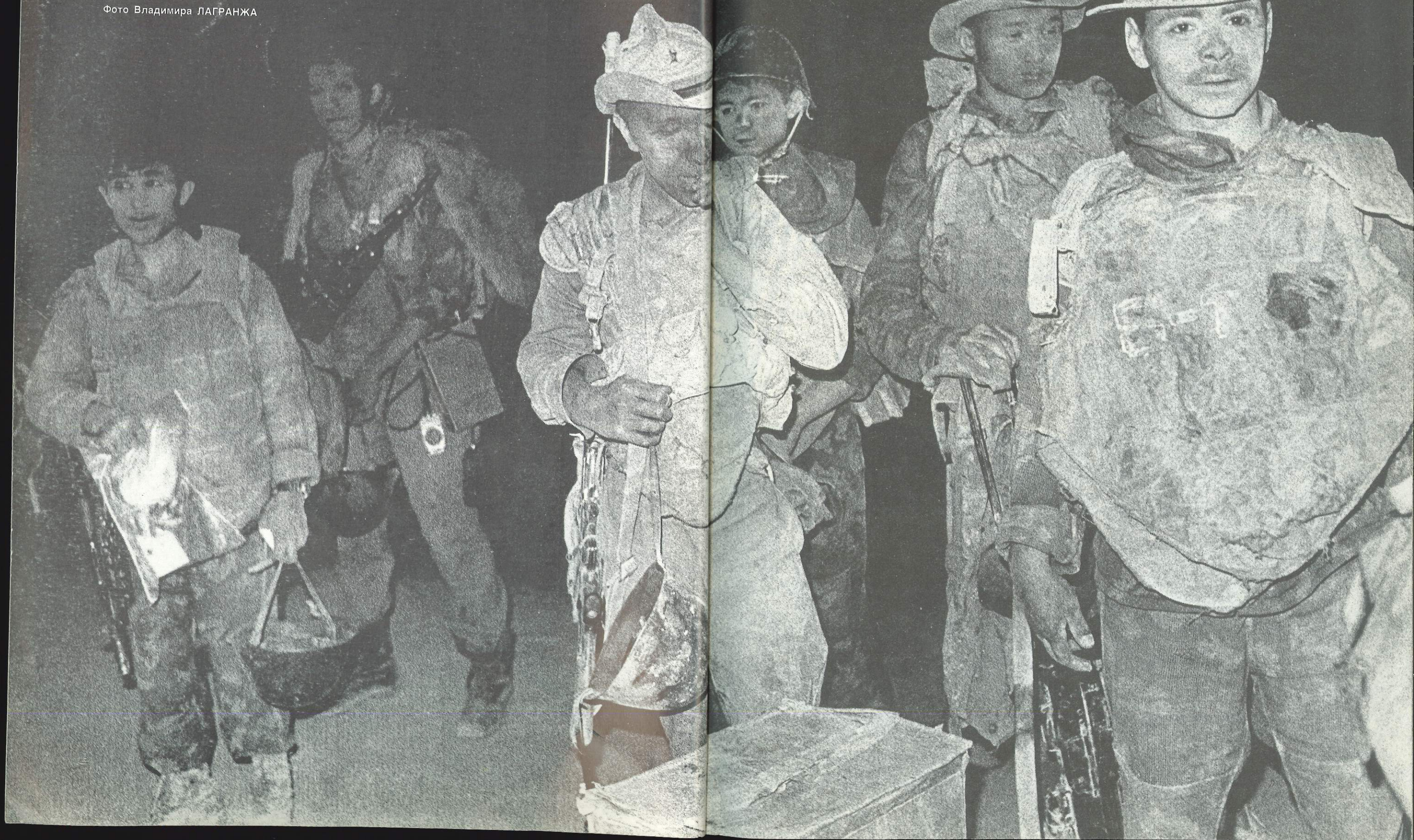
БЫЛ ПУТЬ
СОЛДАТА
ДОМОЙ

КОГДА СМОЛКАЮТ ПУШКИ

В феврале из Афганистана ушли последние колонны советских войск. Но еще многие годы не заживут шрамы этой долгой войны, и миллионы людей будут искать ответа на вопрос: что же происходило там, в горах Гиндукуша?

Фото Владимира ЛАГРАНЖА

**ЛЕОНОВ
ИГОРЬ
ПЕТРОВИЧ**

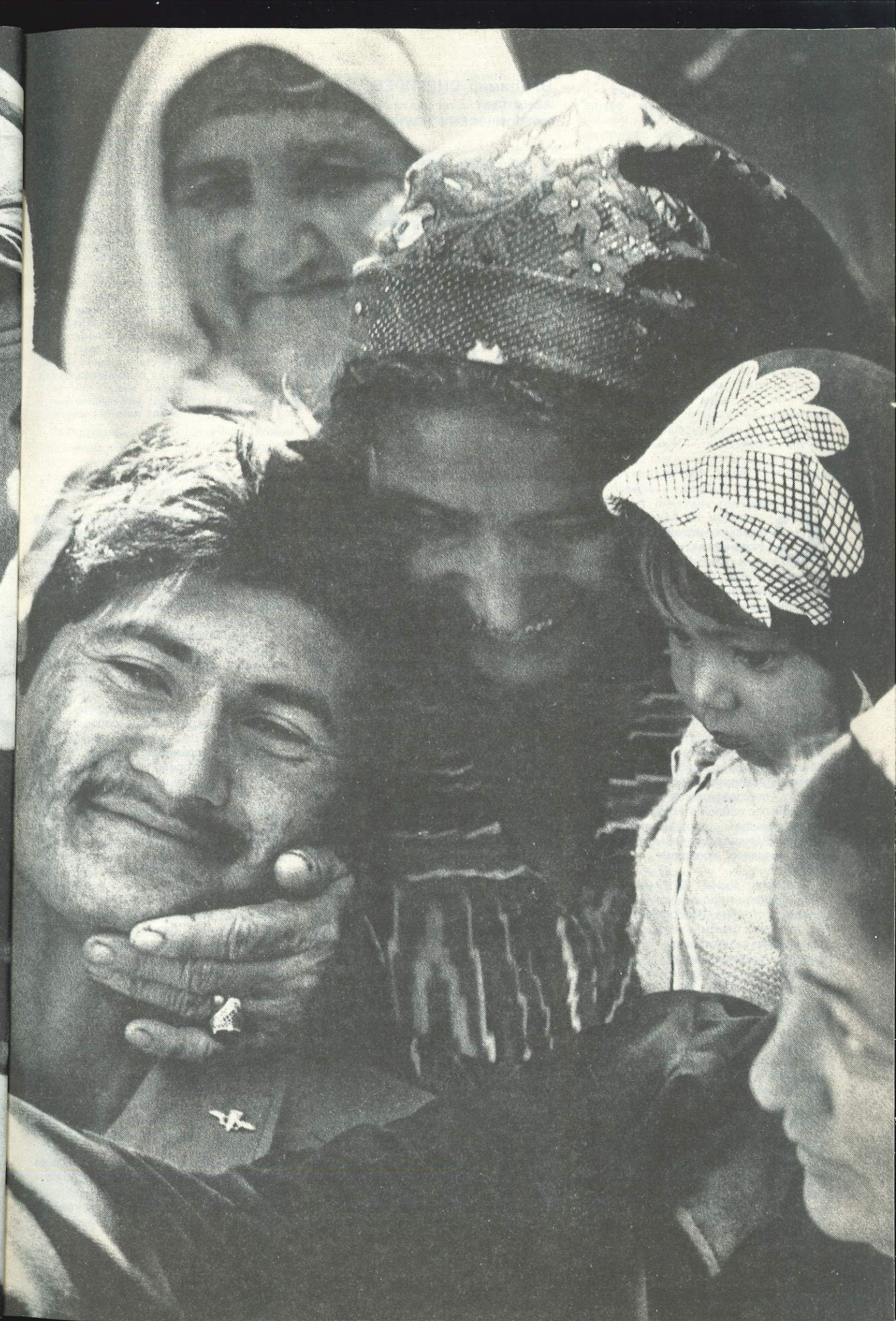
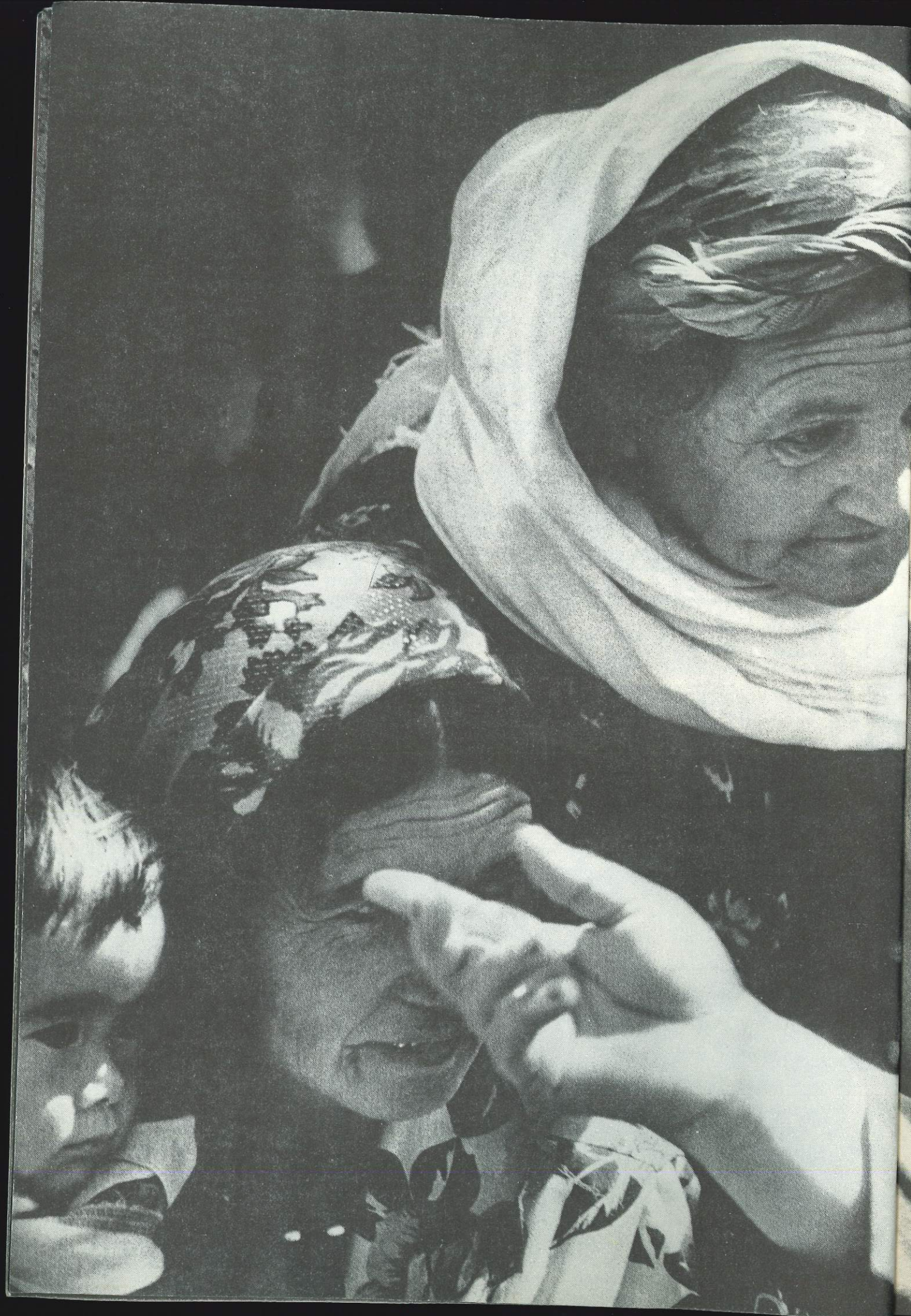
7.02.69 - 15.03.88г

18/02/1969		18/03/1988	
ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ	АПРЕЛЬ
ПН 2 9 30 23 30	6 12 20 27	6 12 20 27	2 9 30 23 30
ВТ 3 8 17 24 31	7 14 21 28	7 14 21 28	3 8 17 24 31
СР 4 11 18 25	1 8 15 22	1 8 15 22	4 11 18 25
ЧТ 5 12 19 26	2 9 16 23	2 9 16 23	5 12 19 26
ПТ 6 13 20 27	3 10 17 24	3 10 17 24	6 13 20 27
СБ 7 14 21 28	4 11 18 25	4 11 18 25	7 14 21 28
ВС 8 15 22 29	5 12 19 26	5 12 19 26	8 15 22 29
ИЮЛЬ	АВГУСТ	СЕНТЯБРЬ	ОКТАБРЬ
ПН 3 10 17 24 31	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 30 23 30
ВТ 4 11 18 25	1 8 15 22	5 12 19 26	3 8 17 24 31
СР 5 12 19 26	2 9 16 23	6 13 20 27	4 9 16 23
ЧТ 6 13 20 27	3 10 17 24	7 14 21 28	5 12 19 26
ПТ 7 14 21 28	4 11 18 25	8 15 22 29	6 13 20 27
СБ 8 15 22 29	5 12 19 26	9 16 23 30	7 14 21 28

1989

Владимир СНЕГИРЕВ,
кандидат
исторических наук

КОГДА СМОЛКАЮТ ПУШКИ

НАСТУПАЕТ ВРЕМЯ СПРОСИТЬ,
В КОГО И ПОЧЕМУ ОНИ СТРЕЛЯЛИ.

С выводом из Афганистана советских частей в истории человечества завершится целый этап. Мир в целом воспринял это как проявление нашего нового мышления, искреннего стремления к политическому урегулированию региональных конфликтов. Но вопросы остаются, и к старым прибавляются новые. Наши солдаты эта дорога приведет к дому. А афганцев? Приведет ли она их к миру? За что сражались наши ребята долгие девять лет? Уходят с сознанием выполненного долга или отступают, так и не добившись победы?

Эта статья не претендует на полное осмысление того, что произошло. Наверное, только время будет тем судьей, который все расставит на свои места. Мы же, восстанавливая цепь событий, связанных с войной в Афганистане и ее последствиями, поразмыслим над фактами. И зададим новые вопросы — себе, нашему прошлому и нашему будущему.

...Кабул, весна 1978 года, месяц саур. Группа молодых людей захватила власть в столице. Взошедшие на бранную танковых башен, эти невесты откуда взявшиеся люди громко и пламенно обещали окружившей их толпе завтра устроить другую жизнь — сытую и счастливую. И толпа, веря, забрасывала танки цветами. А с черного хода правительственной резиденции — по другую сторону площади с митингующими людьми — похоронная команда выносила тела убитого премьер-министра М. Дауда и членов его семьи, первых жертв революции. Дауд отверг предложение сдаться и погиб с оружием в руках.

Кто знал тогда, чем обернется смена правящего режима в Кабуле в апреле 1978-го! Какое значение окажут эти события на ход всей мировой истории...

Дауд свергнут. Его правительство разогнано. К власти пришла Народно-

демократическая партия Афганистана, НДПА. Веселится и митингует народ. Кому не хочется быть счастливым?

Мир еще ни о чем не догадывается. Чего там лукавить, до этих пор и у нас в стране, и в Соединенных Штатах мало кто мог с уверенностью показать на карте, где находится Афганистан. Прежде эту горную страну на Среднем Востоке если и упоминали в печати, то разве что по поводу чудовищной нищеты и средневековой отсталости. Американские газеты вначале сообщали о смене власти в Кабуле в нескольких скучных строчках. В мае западная печать слегка встрепенулась, заговорив о «руке Москвы»... Но до главных событий было еще далеко.

Мир жил надеждами на разрядку. Обсуждались договоры по ограничению стратегических вооружений. Москва взволнованно готовилась к проведению летней Олимпиады: строились новые стадионы, отели, заключались сделки с западными фирмами, подкрашивались дома, латались асфальтом колдобины на мостовых. Ни один наш военнослужащий — от маршала до рядового — еще не знал, что очень скоро южная граница будет взломана и наши дивизии войдут в чужую страну, став участниками изнурительной и бесконечной войны. Что с этих пор история мировой политики будет делиться на «до» и «после» Афганистана.

Все это будет. Все это уже никогда не вычеркнешь ни из памяти отдельных людей, ни из истории.

Что же произошло тогда в Кабуле — революция или дворцовый переворот?

Отнюдь не праздный вопрос. Ибо ответ на него рождает вопрос следующий: надо ли было нам поддерживать новую власть, вмешиваться? Революция или путч? Закономерный, естественный этап исторического процесса или зигзаг, клякса истории?

По моему убеждению, к 1978 году в Афганистане объективно созрела ре-

волюционная ситуация. Вооруженное восстание возглавила Народно-демократическая партия, насчитывавшая тогда в своих рядах около 20 тысяч членов. Это был не просто мятеж прогрессивно настроенных офицеров. Менялись не вывески на правительственных зданиях — менялся приговоренный к слову полуфеодалный уклад жизни афганского общества. Ломка была призвана вызвать страну из многовековой дремы, решить накопившиеся национальные проблемы, сделать рывок в экономике, социальной сфере, дать народу демократические свободы...

Однако на всякую революцию свергнутые правящие классы всегда отвечают контрреволюцией. В Афганистане лагерь врагов саура оказался куда как обширен. Наряду со сторонниками свергнутого Дауда это были монархисты, маоисты, националисты всех мастей, но главный, самый грозный отряд составили так называемые исламские фундаменталисты. Они тоже и давно готовили свою революцию в Афганистане, предначая родине жизнь под черной паранджой средневековых обычаев. Даже либеральные полковничьи реформы Дауда казались им кощунственным посягательством на устои ислама. Еще задолго до саура Пакистан предоставил им свою территорию для подготовки боевых террористических групп. Почва была взрыхлена, семена посеяны. Во второй половине 70-х годов религиозные фанатики уже представляли собой грозную силу. По существу, революция предотвратила их кровавый мятеж, а коли так — моджахеды, «воины ислама», с криком «аллах акбар» («аллах превыше всего») теперь повернули ножи против нового врага.

К несчастью, успехам оппозиции способствовали ошибочные, а порой откровенно авантюристические действия первых руководителей апрельской революции. Эти действия, отпугивая от

идей НДПА широкие слои народа, одновременно множили ряды противников новой власти.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА. Нур Мухаммад Тараки. Выходец из пуштунского племени тараки. Известный писатель. По характеру мягок и покладист. «У него душа крестьянина» — так говорили о Тараки. В начале 50-х годов занимал пост пресс-атташе афганского посольства в Вашингтоне. 1 января 1965 г. в его доме собрались участники кружков, изучавших марксистско-ленинскую теорию, — эту дату принято считать днем рождения НДПА. Тараки стал первым руководителем партии, генеральной линией которой было провозглашено «построение в Афганистане общества, свободного от эксплуатации человека человеком». Он автор теории так называемой «хальковской», то есть народной, революции, которая явно недооценивала объективные факторы революционного процесса. В 1977 г., с объединением партии, Тараки избирается ее генеральным секретарем. Сразу после Апрельской революции стал главой государства.

Реформы, провозглашенные новым режимом, были призваны ликвидировать ростовщичество, другие феодальные пережитки. Формально по справедливости распределялась земля. Повсеместно открывались кружки ликбеза, намечались реальные перспективы прогресса в других сферах жизни общества. Но, увы, уже с первых же дней реализации реформы афганские революционеры стали допускать какую-то лихорадочную поспешность, «левые» перегибы, политический авантюризм. Они не учитывали ни национальных, ни религиозных особенностей афганского общества. Им не терпелось построить в Афганистане не что иное, как социализм. И не когда-нибудь, а сразу, завтра.

Не хватало для этого справедливого раздела земель? Ничего, отберем у священнослужителей. А крестьянин не хотел брать эту несправедливую, «не от бога» землю, не хотел вступать в кооператив, куда его гнали силой. Власть раздражалась: не хочешь — накажем. Упрямых бросали в тюрьмы, пытали, убивали. А жестокость свою оправдывали привычной демагогией: лес рубят — щепки летят. Некому служить в армии. Призвать пуштунских парней из зоны племен! Что из того, если раньше их не брали на службу, признавая тем самым некую вечную автономию... С аэродромов взмывали в небо штурмовики и обрушивали на непокорных пуштунов бомбы. Убедили? Нет, конечно. Плодили своих будущих врагов, причем плодили активно и в большом количестве.

Саму партию значительно ослаблял фракционный раскол. Дошло до того, что в 1978 году руководители Афганистана решили просто-напросто физически уничтожить своих вчерашних соратников, принадлежавших к крылу «парчам». Террор в стране принял массовый характер.

К началу 79-го года за развитием афганских событий уже пристально следят в других государствах. За океаном теперь оправдываются: американская помощь, мол, была ответным шагом, призванным сдержать советскую

военную экспансию. Однако обратим внимание: до ввода в Афганистан нашего контингента еще почти год. Да, военные советники из СССР давно были за Гиндукушем.

Были при короле, при Дауде, оставались при Тараки. И наше оружие Кабул всегда предпочитал американскому. В декабре 1978 года в Москве был подписан Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, который включал целый комплекс вопросов, связанных с нашей помощью соседней стране, в том числе при необходимости и военной помощи.

С другой стороны, как раз в это время вихрь антишахской революции вымел американцев из Ирана. Взоры Вашингтона обращаются к Афганистану.

Парадокс! Предав анафеме иранскую революцию, не пожалев площадной брани в адрес Хомейни, американские официальные круги одновременно обласкали лидеров афганских «борцов за веру», большинство из которых видели будущее Афганистана как раз по хомейнистскому образцу и были почти целиком солидарны с аятоллой.

Искать здесь логику — дело бесплезное...

В 1979 году на кабульской сцене выдвигается вперед новое главное действующее лицо — человек, прямо причастный к резкому обострению ситуации в стране.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА. Хафи-зулла Амин. Выходец из пуштунского племени хароти. Волевой, целеустремленный, коварный, склонный к интригам. Гипертрофированные амбиции. В начале 60-х годов находился на учебе в США. В 1968 г. пленум ЦК фракции «хальк» перевел Амина из членов партии в кандидаты, охарактеризовав его как человека, скомпрометировавшего себя «фашистскими чертами». В 1969 г. — депутат нижней палаты парламента. С 1977 г. — член ЦК НДПА. Стоял на позициях путчизма, злоупотреблял левой фразой. Играя на человеческих слабостях генсека, изолированно втерся к нему в доверие. Всячески поощрял культ личности Тараки, называвшего Амина своим «любимым и выдающимся товарищем», «верным учеником». Планомерно устранил всех, кто стоял на его пути к единоличной власти. В сентябре 1979 г., подчинив своему контролю армию, органы безопасности и МВД, Амин сместил Тараки со всех партийных и государственных постов, а затем физически устранил «учителя», став, по существу, единоличным диктатором. На его счетах в банках было 114 миллионов афгани и 2 миллиона долларов.

В начале сентября 1979 года Тараки проездом был в Москве. Беседовал с Брежневым. Встреча, как писали газеты, прошла в сердечной, товарищеской обстановке. А вернулся — и как в воду канул. 16 сентября на чрезвычайном пленуме ЦК НДПА узурпировавший всю власть Амин исчезновение бывшего генсека и главы государства объяснил его «добровольной отставкой по состоянию здоровья». В обращении к народу диктатор лицемерно пообещал отныне «полностью ликвидировать своеволие, разнузданность и безответственность должностных лиц».

Впоследствии Амина назовут агентом ЦРУ. Доказательств его связи

с американской разведкой у нас нет, да и вряд ли нужно их искать. Очевидно другое: никакой специально завербованный агент не принес бы своей стране столько горя, сколько этот коварный честолюбец.

Способствовал разжиганию национальной розни. Допускал перегибы во взаимоотношениях с верующими и религиозными деятелями (и это в стране, где ислам является, по существу, господствующей идеологией, моралью, национальной святыней!). Насаждал террор, коррупцию, сплошь и рядом проявлял диктаторские замашки. Злодейски управлялся с инакомыслящими в партии.

И, наконец, главное — то, что в значительной степени определило затем на годы вперед ситуацию в стране: дилетантскими, неуклюжими, командными действиями в деревне компрометировал идеи революции среди миллионов крестьянских масс.

Вакуума в политике, как известно, не бывает: отшатнувшись от новой власти, крестьяне — во всяком случае, многие из них — пристали, вынуждены были пристать (ибо такова логика всякой борьбы) к другому берегу.

Страну охватила гражданская война.

Если же почитать официальные документы и газеты того периода — увы, и наши газеты, — то предстанет картина прямо-таки идиллическая: будто бы афганцы все как один дружно создают новую жизнь и только горстка каких-то жалких отщепенцев изредка нарушает спокойствие в стране. Эйфория продолжалась. Через пять лет обещано построить социализм. В июле 1979 г. Совет Министров республики, возглавляемый Амином, объявил об успешном завершении первого этапа земельной реформы. Кого обманывали? Как раз к той поре уже более половины уездных центров и почти все деревни находились под контролем вооруженной оппозиции. Крупные вооруженные мятежи вспыхивали то в одной, то в другой провинции.

Пройдут годы, прежде чем руководители Афганистана выступят с публичным и горьким признанием: земельный вопрос не решен, реформа провалилась. Да, лучше честное очищающее признание, чем позорная ложь, подрывающая авторитет государства и его руководителей.

В плену ошибочных представлений оказались тогда многие наши аналитики и журналисты, поспешившие восславить мифические успехи революционного Афганистана. Объективному анализу они предпочли бойкие отчеты и репортажи, написанные со слов кабульских чиновников. Не эти ли материалы потом станут ориентиром для наших лидеров в их отношении к Афганистану? Впрочем, журналистам было нелегко писать правду: сверху спускались жесткие установки, которые в освещении афганских событий предполагали только две краски — белую для «благих деяний» революционного режима и черную для «кровавых преступлений» оппозиции. Полутонув не допускалось — за этим зорко следила цензура.

Таким образом, сложился порочный круг: журналисты вали или недоговаривали, потому что политики не разрешали им писать правду, а политики принимали ошибочные решения, потому что превратно представляли себе ситуацию — в том числе по вине информаторов из Кабула.

Между тем приближался роковой день — 27 декабря 1979 года. Положение в стране к этому времени стало критическим. Многие деятели и рядовые члены партии, не согласные с авантюристическим курсом Амина, были брошены в тюрьмы, где подвергались жестоким пыткам, часть эмигрировала, другие ушли в подполье. Экономика чахла на глазах. Обезглавленная армия сдавала мятежникам одну позицию за другой. Казалось, участь республики предрешена. Амин в панике. Он вновь и вновь просит советских руководителей о военной помощи. Москва медлит. Москва разбирается в том потоке информации, который по разным каналам поступает из Кабула. Увы — и это тоже факт — еще осенью 1979 года многие наши официальные представители вовсе нахваливали Амина, направляли в центр заведомо искаженную благодушную информацию.

Помогать надо — это советским руководителям ясно. Но кому? Амину? Или тем альтернативным силам в партии, которые ушли в подполье и которые, судя по всему, хотели бы очистить революционный процесс от ошибочных наслоений? И как помочь? Сделать официальное заявление? Направить новых советников? Нет, решает Москва, ввести войска! Формальный повод для этого есть: многократные просьбы Тараки и Амина, Договор между двумя странами, предусматривающий оказание военной поддержки.

23 декабря газеты писали: «В последнее время западные, особенно американские, средства массовой информации распространяют заведомо инспирированные слухи о некоем «вмешательстве» Советского Союза во внутреннее дело Афганистана. Дело доходит до утверждений, что на афганскую территорию будто бы введены советские «боевые части». Все это, разумеется, чистой воды вымыслы».

До ввода войск остается между тем всего четыре дня.

27 декабря штурмом взят дворец Амина, сам диктатор убит в ходе перестрелки.

На следующий день состоялся пленум ЦК НДПА. Генеральным секретарем был избран Бабрак Кармаль. «В повестке дня, — сказал новый генсек, — нет вопроса о построении в Афганистане социализма. Перед партией стоят задачи национально-демократического характера».

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА. Бабрак Кармаль. Отец — пуштун из племени моллахель, мать — таджичка. Бабрак Кармаль хорошо знает языки пушту, дарии, владеет английским и немецким. Его отец был влиятельным человеком в высших военных кругах Афганистана: командовал дивизией и корпусом, вышел в отставку в звании генерал-полковника. В 1950 году Бабрак Кармаль — активист союза студентов Кабульского университета, тогда же осужден за революционную деятельность. В 1956 году выпущен из тюрьмы под залог. Работает в министерстве планирования. Сразу после создания НДПА стано-

вится заместителем первого секретаря партии, впоследствии один из трех секретарей ЦК. Во второй половине 60-х годов опубликовал в газете «Парчам» ряд статей, полемизирующих с теорией «народной революции» Тараки. Кармаль, в частности, настаивал на том, что Афганистан находится в преддверии национально-демократической, а не пролетарской революции. В 1978 году был направлен послом в Чехословакию. Есть данные, свидетельствующие о том, что Амин планировал физически устранить Бабрака Кармала.

29 декабря наши газеты публикуют поздравительные телеграммы в адрес Кармала в связи с его избранием на высокие посты. Новый афганский руководитель, обращаясь к соотечественникам по радио, говорит, что разбита машина пыток Амина и его приспешников — «диких палачей, узурпаторов и убийц». Амин фигурирует в обращении как «кровосаждающий шпион американского империализма, шарлатан истории».

Весь мир уже знает о том, что наши войска находятся на территории соседней страны, не знаем об этом только мы. «Наверху» все еще решают, в какой форме преподнести эту новость советскому народу. Наконец, в последний день 1979 года в газетах появляются скудные сообщения об ограниченном воинском контингенте.

Вряд ли советские руководители в полной мере представляли себе, чем обернется хождение за Амурдарью. К сожалению, не удалось пока установить, кто был инициатором акции, кто отдал приказ войскам. Говорят, что по этому поводу в Политбюро существовали разногласия, что некоторые руководители даже высшего эшелона власти узнали о вторжении, как говорится, постфактум. В это можно поверить.

Так начался один из самых длительных региональных конфликтов XX века с участием иностранных войск. Временное присутствие ограниченного контингента растянулось более чем на девять лет. Если бы только «присутствие»! Мы дали себя втянуть в самую настоящую войну. Войну без линии фронта, без соглашения о пленных. Без огласки. А наряду с боевыми действиями против оппозиции пришлось занимать круговую оборону против мирового общественно-го мнения. Оно, это мнение, надо честно признать, складывалось далеко не в нашу пользу. Не принял мир заготовленных в Москве аргументов. Мало кто счел их достаточно убедительными и весомыми.

Декабрьские события дали повод Соединенным Штатам окончательно похоронить разрядку. Свертывались торговые связи, культурные контакты, научный обмен... США и целый ряд других стран бойкотировали Московскую Олимпиаду (а мы четыре года спустя не приехали на Игры в Лос-Анджелес). Взаимное недоверие, пропагандистская война, конфронтация...

Вашингтон счел, что у него теперь развязаны руки для открытой и более эффективной помощи силам оппозиции. Сама оппозиция также невольно приобрела сильный козырь: дух свободологии у афганцев, как говорится, кипит в крови, их страну никому еще не удавалось завоевать. Таким образом, ввод войск не только не способствовал стабилизации положения, но, напротив, явился сильнейшим катализатором конфликта.

Сейчас, с дистанции в девять лет, с горькой ясностью видишь, какую огромную ответственность перед всем миром взяли на себя те, кто отдал приказ войскам войти в Афганистан с временной миссией. Ответственность перед всем человечеством. Перед историей. Перед тысячами матерей, чьи сыновья были брошены в бой. И какую большую цену мы заплатили за это решение.

Существовал ли другой выход? Можно ли было обойтись без военного вмешательства? Сознали ли наши тогдашние руководители в полной мере все последствия своего шага?

Академик Е. М. Примаков (из выступления на XIX Всесоюзной партийной конференции): «Нет сомнения в том, что положение в пограничном Афганистане, вмешательство в его внутренние дела извне, международная обстановка в целом требовали контрдействий с нашей стороны в интересах мира и стабильности в регионе. Но характер этих контрдействий был определен, очевидно, без должной проработки различных альтернатив политического решения, к тому же при отсутствии реализма в понимании как ситуации в Афганистане, так и неизбежных последствий предпринимаемых мер. Все это тяжелым бременем легло на плечи нашей страны, нашего народа».

Еще мнение: Его в январе 1980 г. высказал соответствующим инстанциям Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР. В инициативной записке говорилось о бесперспективности и ущербности военной акции, предупреждалось, что нам придется иметь дело с объединенными ресурсами США и других стран НАТО, Китая, мусульманских государств, повстанческой армии.

Верх взял догматический подход, надежда на грубую силу. Ведь выручала же она прежде? Авось получится и теперь...

По американским источникам, война обошлась Советскому Союзу в 50 миллиардов долларов! Ежедневно из СССР в Афганистан отправлялись тысячи машин — с горючим, боеприпасами, продовольствием, военным снаряжением. На афганских аэродромах — в Кабуле, Джелалабаде, Шиндане, Хосте, Кундузе — ежедневно приземлялись десятки транспортных самолетов с грузами для воюющей армии. Этот конвейер действовал безостановочно не день, не два — девять лет! Обратились везли больных, раненых, убитых. Вдоль границы пришлось открывать новые госпитали, расширять стационары...

А около этих госпиталей день и ночь, круглые сутки, дежурили, не смыкая глаз, матери, отцы, жены наших солдат.

Так было. Поклонимся им, матерям воинов. Сколько же они вынесли, ожидая с войны своих мальчишек! Поклонимся, обнимая головы перед теми, кто не дождался. Отдадим должное солдатам и офицерам, прошедшим через горнило боев.

Между тем есть у нас охотники перечеркнуть судьбу этих ребят. Вроде были они, не ведавшие, что творят, слепым орудием в руках неумных политиков. Нет! Мы сами воспитали их такими. За наши идеалы они сражались в афганских горах, получая ранения,

теряя товарищей, взрослая в день на годы.

Знаете, что, по их словам, было самым тяжелым? Нет, не оторванность от дома и даже не боязнь быть убитыми. Больше всего угнетало сознание того, что на Родине не знают правды о войне, не представляют реальную афганскую обстановку, не сопереживают нашим солдатам. Говорят: на миру и смерть красна. А воины-интернационалисты погибали практически в полной безвестности. Год, два, пять... Это еще одна печальная глава в нашем повествовании. И целая обойма новых вопросов.

Почему не разрешали по-людски, с почестями, гласно хоронить погибших? Почему далеко не сразу установили льготы для воинов-интернационалистов, для инвалидов, для членов семей погибших, а установив эти льготы, засекретили их, сделали достоянием весьма узкого круга лиц? Почему журналистам, писателям, кинематографистам многие годы было строжайше запрещено говорить правду о том, чем занимается на территории Афганистана ограниченный контингент советских войск?

Как же надо не доверять своему народу, не считаться с ним, чтобы, посылая на войну его сыновей, делать вид, что никакая война нет в помине...

Целая обойма новых вопросов. Кто-то должен на них ответить!

Трагизм второго этапа революции, начавшегося 27 декабря 1979 г., заключается в том, что разумные меры, принимавшиеся НДПА, правительством, государственным и общественными организациями республики, практически сводились на нет войной. Все эти годы большая часть территории Афганистана находилась под контролем вооруженных отрядов контрреволюции. Государственная власть удерживала центры провинций, главные дороги и часть уездных селений, а в кишлаках хозяйничали вооруженные люди из различных исламских организаций. Время от времени кишлаки подвергались артоналам, воздушным бомбардировкам, прочесываниям. Поля, возделанные с огромным трудом, в ходе боевых операций уродовались гусеницами танков и боевых машин. Что оставалось после этого неграмотному крестьянину? Дом разрушен, жена погибла от шального осколка, есть нечего. Брал автомат и записывался в «муджахеды».

Война рождала войну. Пустели селения. Заращались сорняком поля. Пересыхали арыки. Казалось, не будет конца этому кошмару.

Колоссальную, в буквальном смысле слова неоценимую помощь народу Афганистана продолжал оказывать Советский Союз. У нас самих прилавки не ломались от избытка, а мы направляли туда тысячи тонн продовольствия.

Сделаем и еще одно самокритичное признание. Годы застоя, когда у нас процветали формализм, вранье, парадность, сказались и на нашем присутствии в Афганистане. Порой мы тиражировали там собственные ошибки, порой афганцы учились у наших советников не работе, а видимости работы.

В партии все эти годы не затихали отзвуки фракционных разногласий. Уйдя вглубь, приняв скрытые формы, разногласия отражались на кадровых

перемещениях, на всей внутривнутрипартийной жизни, они отвлекали членов НДПА от борьбы, вносили в их ряды раздор, в умы — сумятицу.

«Фракционизм и групповщина, — сказал по этому поводу на общепартийной конференции НДПА новый руководитель партии Наджибулла, — подогревались острой борьбой за власть между отдельными группками и их лидерами, которые не сумели преодолеть привычек кружковой организации. Истинную природу этих явлений надо искать в давлении мелкобуржуазной стихии... Фракционизм и групповщина годами, как ржавчина, разъедают единство партии...»

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА. Наджибулла. Родился в 1947 г. По национальности пуштун. Его отец был одним из влиятельных авторитетов племени ахмедзаев, расселенного по границе с Пакистаном. В 1975 г. окончил медицинский факультет Кабульского университета. Владеет языками пушту, дарии, английским, урду. Член НДПА с момента ее основания. Женат, имеет трех дочерей. Жена — член НДПА, активистка женского движения. С 1977 г. Наджибулла — член ЦК партии. До революции возглавлял нелегальный демократический союз студентов. Руководил подпольным комитетом НДПА города Кабула. После апреля 1978 г. Наджибулла возглавил Кабульский комитет партии, затем был назначен послом ДРА в Иране. С 1980 по 1985 год руководил службой государственной безопасности. 4 мая 1986 г. избран Генеральным секретарем ЦК партии, а в ноябре 1987 г. — президентом Республики Афганистан сроком на семь лет.

С именем этого человека связывают новый период истории апрельской революции, который вполне можно назвать ее третьим этапом. Политические векторы таковы: расширение социальной базы революционного процесса, переход к многопартийной системе и коалиционности, стратегия национального примирения. Все это родилось не в кабинетах и залах заседаний — новая политика выросла из реалий современной обстановки в стране и за ее пределами, она — производное нового политического мышления, свойственного миру конца 80-х годов. Она также, наверное, была бы невозможной без нашей перестройки, без наших перемен.

Призыв к окончанию братоубийственной войны, к переговорам, к достижению согласия на основе целого ряда компромиссов со стороны Кабула — это, согласитесь, был серьезный шаг президента Наджибуллы. Следующий сделала наша страна, объявив о выводе из Афганистана в максимальном коротком срок всех войск. Переговоры в Женеве, начавшиеся семь лет назад и с тех пор буксовавшие на одном месте, вдруг каким-то прямо чудодейственным образом завершились подписанием сразу нескольких принципиальных соглашений. На самом деле, конечно, обошлось без чудес: решающим фактором явилось твердое и недвусмысленное желание Советского Союза вернуть домой свои войска. Условие при этом Москва ставила только одно: невмешательство во внутренние дела Афганистана.

Подписание пакета женевских соглашений и последовавшее сразу вслед за этим начало вывода наших дивизий наряду с реализацией договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности стали главными со-

бытиями мировой политики 1988 года.

Что завтра будет с Афганистаном? Выстоит ли республика перед натиском фанатиков, лишавшихся поддержки советских солдат? Не ждет ли страну судьба Ливана, где вот уже который год продолжается братоубийственная война? Не окажется ли Афганистан отброшенным еще на много веков назад — если властью завладеет Гульбуддин и иже с ним? Вопросы, вопросы...

Все в мире взаимосвязано, все сочетается друг с другом — если не напрямую, то опосредованно: мир наш раним и хрупок. События в стране, казавшейся далекой и незнакомой, могут самым неожиданным образом повлиять на нашу судьбу или судьбу наших детей. Мы в этом мире — одна семья, и осознать это призывает новое политическое мышление. Афганистан был и остается суровой реальностью 80-х. Наш долг — извлечь уроки, сделать выводы. Наш долг — окружить вниманием и заботой тех, кого мы направляли в пекло войны. Наш долг — помнить.

Публикуя эту статью, редакция не собирается ставить последнюю точку в обсуждении афганской темы. Как оценить наше военное участие в этом вооруженном конфликте с точки зрения международного права? Кто в руководстве нашей страны принимал в декабре 1979 года роковое решение? Осознаем ли мы все, наконец, что афганское десятилетие — это не только громадные материальные и людские потери, не только слезы наших матерей, но и беды, причиненные соседнему народу, слезы матерей афганских?

Государство обязано взять на себя заботу о войнах-афганцах, не по своей воле перенесших тяжелые испытания, о семьях тех, кто не вернулся с поля боя. Это и делается. Но нельзя забывать, что никто — в том числе и те, кто побывал в Афганистане, — не вправе снимать с себя ответственность за происшедшее. Сострадание, чувство ответственности — только это может дать нам уверенность, что подобное не повторится в будущем.

